

скій требуетъ введенія въ русскій языкъ иностранной фонемы—и мягкаго, которой необученный чужимъ языкамъ великороссъ такъ же не сможетъ артикулировать, какъ итальянецъ звука *ы*, а что, съ точки зрѣнія самобытности языка, всѣ „ангары“ и „куверты“ по сравненію съ бѣдствіемъ фонетическихъ варваризмовъ? Ихъ вѣдь не выносить въ своемъ составѣ ни одинъ здоровый языкъ.

Это въ книгѣ кн. Волконскаго не единственный примѣръ взаимоуничтоженія волевыхъ усилій мысли.

Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много больныхъ вопросовъ — хотя бы появленіе все большаго и большаго количества ошибокъ въ синтаксическихъ зависимостяхъ, тяготящихся къ упрощенію падежныхъ отношеній. То и дѣло встрѣчается замѣна, скажемъ, творительнаго либо дательнаго падежа родительнымъ, замѣна родительнаго винительнымъ (особенно при отрицаніяхъ) и, наконецъ, даже винительнаго именительнымъ (разносички говорятъ въ Петроградѣ: „Я продаю такіе рябчнки по 1 р. пара). Ясно: тянеть къ отмиранію склоненія. Что же, содѣйствовать или противодѣйствовать этому? И въ каждомъ случаѣ—какъ?

Очень остроумно замѣчаетъ кн. Волконскій: „Наша рѣчь есть одно непротивленіе“ (стр. 9). Это свойство рѣчи съ особенной силой—въ области чистофонетической, слѣдовательно какъ нельзя ближе къ задачѣ книги, проявляется въ такъ называемой „редукціи“, то есть замѣнѣ въ неударяемыхъ мѣстахъ однихъ качественныхъ гласныхъ другими качественными, а то и вовсе безразличными гласными, для которыхъ нѣтъ и знака начертанія. У редукціи много степеней. Въ какихъ предѣлахъ ей покровительствовать? Или гнать ее? Это все важнѣйшіе (есть и другіе, не менѣ важные) вопросы политики языка, но на нихъ разсматриваемая книга опредѣленныхъ отвѣтовъ не даетъ, а разные частные совѣты, соотвѣтствующіе

щія области затрогивающіе, иногда, по отношенію къ этимъ областямъ, находятся въ противорѣчій.

Построеніе политики слова — основная и очередная задача культуры рѣчи. Построить такую политику кн. Волконскому съ перваго раза не удалось. Но справедливость велитъ признать, что духъ такой политики уже живетъ въ „Выразительномъ словѣ“: вѣра въ волю, благородное негодованіе противъ распущенности и тонкое пониманіе трепещущихъ частностей то и дѣло разрѣшаются изреченіями мѣткими и съ силою разящими. Все изложеніе книги—это чувствуется—слѣдствіе патетическаго вниманія къ предмету и чтеніе книги подѣмлетъ его значеніе въ глазахъ читателя. А что другое нужно искреннему проповѣднику? Очень хороши призывы къ самоограниченію, къ борьбѣ съ чрезмѣрнымъ произволомъ личности. Въ однихъ этихъ призывахъ такъ много политическаго! Развѣ не прекрасенъ совѣтъ (стр. 87): „Не мыслите быть выше того произведенія, которое читаете. Будьте ниже его; не его себѣ подчиняйте, а начните съ того, что сами ему подчинитесь. *Въ подчиненіи свобода художника*“ (курсивъ мой). На послѣднее изреченіе хочется откликнуться началомъ одного сонета Вячеслава Иванова:

Въ наукѣ царственной, крѣпящей духъ
державный,
Въ повиновеніи—сей доблести владыкъ,
Ты музами поэтъ поставленъ и привыкъ,
Ихъ мѣрѣ подчинять свой голосъ свое-
правный.

Н. В. Недоброво.

3. † Константинъ Егоровичъ Маковский.

Въ лицѣ К. Е. Маковского сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ и притомъ крупнѣйшихъ могикавъ „старой“ живописи. Въ свое время, а можетъ быть, отчасти и до послѣднихъ дней,

покойный былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, извѣстнѣйшихъ художниковъ въ Россіи, извѣстныхъ и за границей, гдѣ его произведенія не разъ выставлялись и покупались преимущественно „американскими дядюшками“.

Въ какомъ великовѣтскомъ салонѣ нельзя встрѣтить портреты и головки его работы? А провинціальныя гостиныя и даже комнатки трехконныхъ домиковъ до сихъ поръ украшены извѣстными олеографіями съ „Боярскаго пира“, „Пощлуннаго обряда“ и пр. Наконецъ, слишкомъ извѣстны музейныя картины покойнаго, вроде „Русалокъ“, „Возвращенія священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ“.

К. Е. скончался на 76 году, давно уже опредѣленно сложившимся художникомъ съ, казалось бы, давно уже опредѣленной репутаціей. Совершенно исключительный успѣхъ его, особенно въ 70 и 80 гг., объяснялся и объясняется уровнемъ пониманія и вкуса извѣстной среды. Типичный яркій салонный художникъ приводилъ въ восторгъ своихъ заказчиковъ блескомъ и красотой своей палитры. Но былъ ли онъ только дѣтищемъ этой среды, даровитымъ эклектикомъ, совмѣщавшимъ съ наслѣдіемъ Брюлловскаго академизма передвижническія тенденціи и внѣшній блескъ модныхъ тогда извѣстныхъ европейскихъ художниковъ, вроде Макарта? Недаромъ почти еще въ началѣ карьеры, будучи въ числѣ „13“ основателей передвижныхъ выставокъ, покойный скоро оставилъ товарищество, хотя могъ бы быть однимъ изъ самыхъ видныхъ жанристовъ-передвижниковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ такія его картины, какъ „Балаганы на Адмиралтейской площади“, „Похороны ребенка въ деревнѣ“, „Алексѣичъ“ и др. Правда, уже въ „Похоронахъ“ дѣтскія головки легкомысленно слащавы, но „Балаганы“, несомнѣнно, одна изъ самыхъ сильныхъ и искреннихъ передвижническихъ картинъ. Въ періодъ и разгаръ чрезвычайно популярнаго направленія въ живо-

писи художника уже влекли иныя задачи, благодаря которымъ онъ и сталъ авторомъ огромныхъ костюмно-историческихкихъ картинъ, безчисленныхъ „слащавыхъ“ головокъ и портретовъ, пріобрѣтшихъ многочисленныхъ подражателей.

Если статья на чисто историческую точку зрѣнія, нельзя не признать въ кажущемся эклектикѣ художника очень нужнаго и новаго во всемъ, что касалось красокъ, живописи, внѣшняго вкуса, въ то время, когда въ русскомъ живописномъ искусствѣ живопись играла второстепенную роль, подчиняясь литературнымъ тенденціямъ. Подкупая доступной красотой, работы покойнаго несомнѣнно радовали глазъ явнымъ стремленіемъ къ виртуозности, къ веселой красочности рядомъ съ обычными тогдашними картинами, гдѣ требовался протоколизмъ, а не живописная жизненность въ передачѣ подробностей. Даже приторность и слащавость красокъ, особенно пожалуй замѣтныя въ портретахъ, среди которыхъ есть тѣмъ не менѣе (пѣвца Петрова, Даргомыжскаго) нисколько не уступающіе работамъ извѣстнѣйшихъ нашихъ портретистовъ, носили свой отпечатокъ. Думается, что и извѣстное легкомысліе живописи, доходившее до кривыхъ по рисунку и совсѣмъ уже бонбоньерочныхъ по живописи головокъ, было искреннимъ, не объяснялось только громаднымъ успѣхомъ моднаго художника. Едва ли вообще можно здѣсь говорить о загубленномъ или мелко израсходовавшемъ себя талантѣ, ибо художникъ совершенно опредѣленно шелъ навстрѣчу склонностямъ, стремленіямъ своей природы. Взявъ въ своихъ картинахъ отъ Брюллова феерическую историчность, отъ Макарта бутафорскую точность, отъ Шварца декоративный шикъ, не углубляясь ни въ подлинную историчность, ни въ строгія требованія натурализма, Константинъ Маковский „съ легкимъ и веселымъ духомъ“ предался привлекательнымъ для него и уже своимъ

собственнымъ виртуозно-живописнымъ задачамъ. Изображая парчу, бархатъ и шелкъ, блескъ драгоценностей, кукольно-красивыя лица, онъ повидимому искренно упивался своими навыками въ этихъ изображеніяхъ, по своему пѣлъ, какъ птица, легко и свободно. Конечно, огромная продуктивность объяснялась легкостью такой работы. Но легкость вообще характерная черта натуры самого художника, отнюдь не объясняемая только поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу. К. Маковскому невозможно отказать въ оригинальной и даже характерной виртуозности, которая далась ему повидимому не упорнымъ трудомъ, а всѣмъ складомъ бойкаго дарованія. Доживъ до глубокой старости, покойный отнюдь не утратилъ ни своихъ навыковъ, ни художественной жизнерадостности и бодрости. Нѣкоторыя его послѣднія работы ничуть не уступаютъ первымъ и давшимъ ему наибольшій успѣхъ. Другой вопросъ, который рѣшатъ еще преждевременно,—ихъ абсолютная художественная цѣнность, другими словами, степень даровитости и общей зна-

чительности автора. Историко-бытовое значеніе его, какъ извѣстнаго зеркала великосвѣтской стороны русской жизни и великосвѣтскихъ вкусовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, отмѣчено еще въ „Исторіи русской живописи“ Александра Бенуа.

Во всякомъ случаѣ стоитъ только сравнить работы покойнаго знаменитаго художника съ тѣми, которыя окружали ихъ въ послѣдніе годы на выставкахъ общества, гдѣ онъ былъ председателемъ, чтобы убѣдиться, насколько онъ выдавался и въ наше время среди ординарныхъ эклектиковъ и насколько имѣлъ свою опредѣленную художественную физиономію. Если ему были чужды прекрасныя, утонченныя и сложныя задачи, къ которымъ стремилось, и тѣ пути, по которымъ шло искусство живописи въ послѣднія десятилѣтія, то ему далеко не было чуждо то непосредственное стремленіе къ чистой живописи, которое разнo проявляется въ разныя эпохи у подлинно даровитыхъ художниковъ.

А. Ростиславовъ.